

⁶⁰ См.: Ковалева В. Т. Исследование раннебронзового поселения в Курганской области // АО — 1984. М., 1986. С. 134.

⁶¹ См.: Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. С. 85.

⁶² См.: Глушков И. Г. Керамика самусьско-сейменской эпохи... С. 10—11.

⁶³ См.: Зданович Г. Б. Относительная хронология... С. 18—19.

В. И. СТЕФАНОВ
Уральский университет
А. Я. ТРУФАНОВ
Институт истории СО АН СССР

К вопросу о своеобразии ирменской культуры в Среднем Прииртышье (по материалам поселения Сибирская Саргатка I)

На Среднем Иртыше известно более 10 памятников ирменской культуры, из них в разные годы были частично исследованы поселения Черноозерье VIII¹, Розановское² и Красноозерское (жилищные комплексы). Соответствующий этим памятникам период эпохи поздней бронзы был назван розановским³. Розановские комплексы, родственные ирменским в Приобье, предлагалось рассматривать в качестве одного из вариантов культуры карасукской общности⁴. Можно сказать, что такой взгляд на розановские поселения утвердился, и в настоящее время они рассматриваются как памятники розановского или среднеиртышского варианта ирменской культуры⁵, которая в свою очередь включается многими исследователями в карасукский круг культур.

Возросший интерес к ирменским древностям Среднего Прииртышья вызван широким исследованием ирменских поселений и могильников в лесостепном Приобье⁶, а также изучением вопросов взаимодействия культур Западной Сибири в конце бронзового века и формирования культур раннего железного века⁷. Однако, оценивая степень изученности розановского варианта ирменской культуры, мы должны признать ее ограниченной. Во-первых, названные выше памятники исследованы далеко не в достаточном объеме. Так, например, на Черноозерье VIII вскрыто 468 м² при общей площади поселения около 20 тыс. м²; на Розановском — 270 м², в то время как площадь распространения культурных остатков (в том числе ирменских) превышает 10 тыс. м².

Во-вторых, опорным памятником розановского варианта до недавнего времени можно было назвать только Черноозерье VIII, так как на Розановском городище все выявленные объекты относятся к саргатской культуре раннего железного века⁸, а материалы Красноозерского поселения не опубликованы. В этой

связи особый интерес приобретают материалы нового поселения ирменской культуры, раскопанного в 1984—1985 гг. Н. К. Стефановой при участии авторов настоящей статьи⁹.

Поселение площадью более 10 тыс. м² находится на западной окраине д. Сибирская Саргатка (Саргатский р-н, Омская обл.), на левом берегу Иртыша. Оно занимает участок надпойменной террасы высотой от 3 до 5,5 м, напротив старичного озера, известного под названием Чудское. В западной части поселения, около склона террасы, расположены две, по-видимому, жилищные впадины диаметром около 9 и глубиной до 0,5 м. Недалеко от них зафиксирован мощный зольник диаметром около 60 м и толщиной в центральной части около 2 м. С севера естественной границей поселения является котловина, отделенная от озера узким и невысоким перешейком. На южном берегу этой котловины в раскопе площадью 277 м² исследованы остатки большого жилища подпрямоугольной формы, ориентированного по оси СЗ—ЮВ. Ширина углубленной части постройки 11—12 м, длина более 18 м, глубина котлована 0,5—1 м. О внутренней планировке и некоторых конструктивных особенностях жилища, а также о проводившихся в нем неоднократных ремонтных работах можно судить по многочисленным (более 130) ямкам от столбов. На полу и в заполнении котлована найдено около 4700 фрагментов керамики, несколько десятков предметов из кости, глины, камня и бронзы, а также свыше 1000 костей животных (преимущественно домашних) и птиц.

Типологический анализ находок, прежде всего керамики, стратиграфические и планиграфические наблюдения позволяют разделить полученный материал на три хронологические группы. Ранняя из них включает около 480 обломков (около 10 % от общего количества керамики) позднекротовских, федоровских и амангельдинских¹⁰ сосудов, часть каменного инвентаря (скребки, наконечник стрелы, отщепы) и, возможно, фаунистические остатки (незначительная часть). Группа находок эпохи поздней бронзы является в комплексе основной. В нее входит свыше 80 % керамики, большинство орудий и поделок (костяные наконечники стрел, проколки, ложила, керамические пряслица, грузила, бронзовые шилья и др.) и подавляющая масса палеозоологических материалов. С этой группой находок связаны остатки жилища и другие объекты. К поздней группе отнесено около 150 фрагментов (менее 4 %) саргатских сосудов раннего железного века.

Все полученные материалы представляют значительный интерес, но в данной работе мы остановимся на комплексе керамики розановского (или среднеиртышского) варианта ирменской культуры. Он включает обломки более 500 сосудов. По форме, орнаментальным композициям, технике нанесения узоров, некоторым характерным чертам и деталям посуду данного комплекса можно разделить на несколько групп.

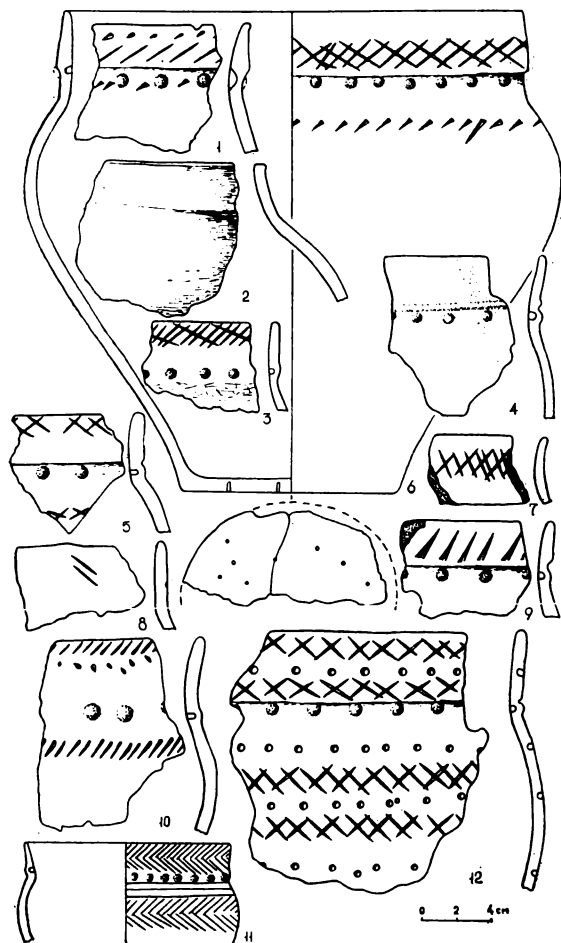

Рис. 1. Поселение Сибирская Саргатка I. Керамика эпохи поздней бронзы

Первая группа составляет около 60 % от общего количества сосудов эпохи поздней бронзы. Она состоит из плоскодонных горшков, имеющих средние и крупные размеры. Посуда сделана из глины с добавлением шамота, внешняя поверхность сосудов гладкая. Шейка преимущественно прямая либо с незначительным отгибом наружу или внутрь. Более 40 % сосудов данной группы имеют воротнички, исключительно редки валики (рис. 1-4). Количество неорнаментированной керамики невелико, около 10 %.

Орнаментальные композиции простые. На шейке обычно помещается широкий или узкий пояс косой сетки (рис. 1-6—7, 12) либо ряд наклонных отпечатков гладкого штампа (рис. 1-9; 2-2; 3-1). В зоне перехода от шейки к тулову, как правило, рас-

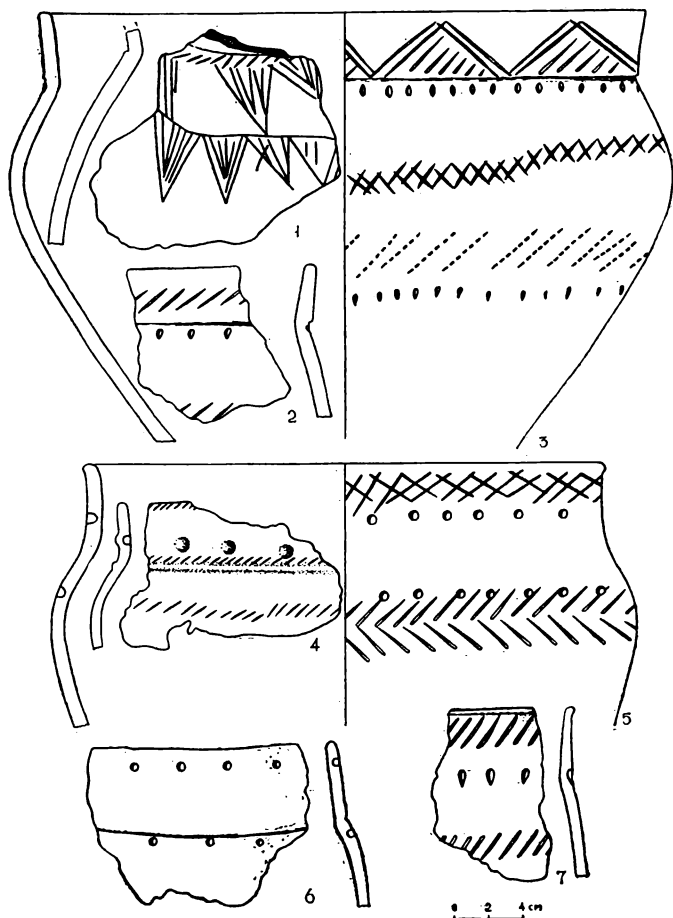

Рис. 2. Поселение Сибирская Саргатка I. Керамика эпохи поздней бронзы

положен ряд жемчужин или ямок, значительно реже встречаются здесь клиновидные, семечковидные или подтреугольные вдавления (рис. 2-2—3,7). Орнамент на плечиках зачастую отсутствует либо он состоит из тех же поясов сетки, косопоставленных отпечатков гладкого или, очень редко, гребенчатого штампа, в этой зоне нередко ряды ямочных вдавлений (рис. 1-12; 2-5). В большинстве случаев узор не опускается на нижнюю половину тулова.

Сосуды второй группы (около 10 % комплекса) отличаются от первой только орнаментом. Для них характерны геометрические фигуры на шейке и плечиках: цепочки треугольников (вершинами вверх или вниз) и ромбов (рис. 2-3; 3-2, 13). Около 25 % сосудов имеют воротнички. Набор технических приемов, исполь-

Рис. 3. Поселение Сибирская Саргатка I. Керамика эпохи поздней бронзы

зуемых для орнаментации посуды, крайне ограниченный (гладкий штамп, ямочные вдавления, редко гребенка и др.).

Третья группа состоит из нескольких кувшинообразных сосудов (около 2 %) с узкой горловиной и сильно раздутым туловом. Для них нехарактерны ямки и жемчужины под шейкой, здесь обычно расположен узкий поясик сетки или елочки. Аналогично украшены короткие вертикальные шейки, изредка на них встречаются геометрические фигуры (рис. 3-9—10, 12).

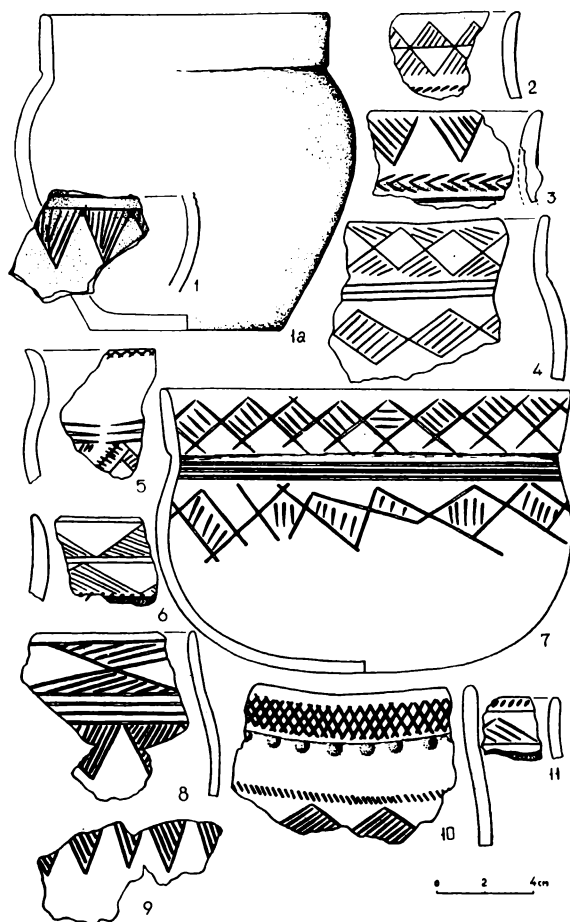

Рис. 4. Поселение Сибирская Саргатка I. Керамика эпохи поздней бронзы

Четвертая группа — небольшие приземистые горшечные сосуды (около 10 %) с плоским или, значительно реже, округлым дном (рис. 4-1, 7). Их отличает тщательная обработка поверхности, темно-серый или почти черный цвет, отсутствие воротничков, жемчужин и ямок. Вместо них в основании шейки располагаются две-три прочерченные горизонтальные линии. Более $\frac{1}{3}$ сосудов не имеют орнамента на шейке, в остальных случаях эта зона украшена треугольниками (основной мотив), ромбами или ленточными зигзагами (рис. 4-2, 4, 6—7 и др.). Геометрические узоры обычны и на плечиках. Характерная деталь — в углах и вершинах треугольников, ромбов и зигзагов иногда расположены небольшие ямки или каплевидные вдавления (рис. 4-1).

Керамика четырех описанных групп широко известна по раскопкам ирменских поселений не только в Среднем Приир-

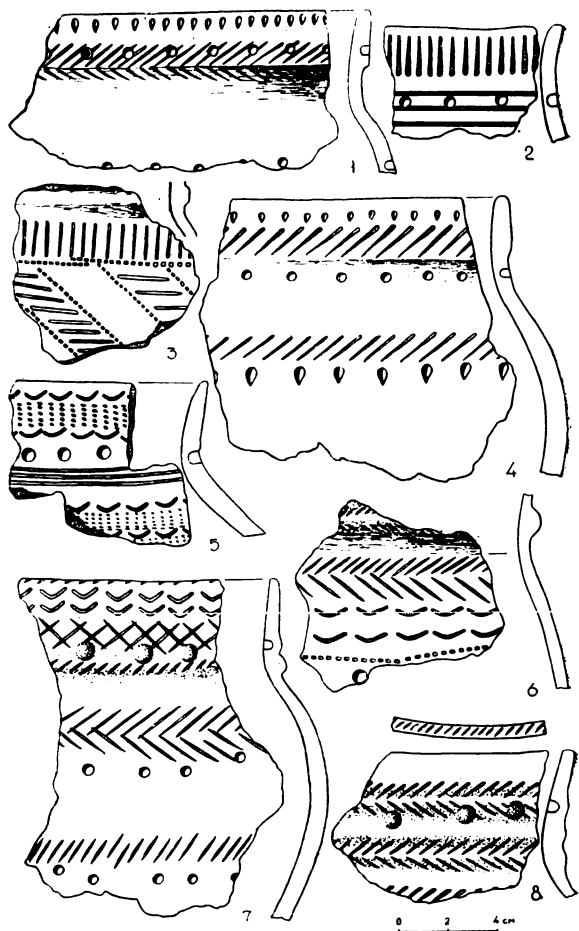

Рис. 5. Поселение Сибирская Саргатка I. Керамика эпохи поздней бронзы

тышь, но и в лесостепной Барабе, Новосибирском Приобье и других районах. Первые три группы составляют комплекс так называемой кухонной, бытовой или поселенческой посуды, четвертая группа — это столовая или ритуальная керамика. Сосуды именно четвертой группы являются характерной принадлежностью погребального инвентаря ирменских могильников.

Особый интерес представляет пятая группа керамики (до 12 %), которую можно назвать сузгунской (рис. 5). Она включает разнообразную по размерам посуду горшечной формы вытянутых и приземистых пропорций. Отличительными чертами сосудов данной группы являются: более гладкая, нередко залощенная поверхность, неорнаментированная лощеная дорожка под шейкой, более плотная орнаментация, использование специ-

фических полулунных штампов-скобок, деление орнаментального поля рядами ямочных вдавлений, ленточные узоры на тулове. Для них в большей мере характерна гребенчатая техника. Одним из типичных элементов является поясok вертикальных отпечатков гребенчатого или гладкого штампов на шейке и тулове (рис. 5-2—3, 5). В ряде случаев узоры из заштрихованных лент имеют обрамление из коротких насечек, скобок, ямочных или подтреугольных вдавлений. Короткими насечками иногда заполнены желобки под шейкой (рис. 5-8). Встречаются сосуды, шейка которых украшена цепочкой прямоугольных треугольников, в том числе с бахромой, что отдаленно напоминает сюжеты федоровской орнаментальной традиции.

Нужно заметить, что «деградированные» федоровские элементы в сузгунской керамике проступают довольно отчетливо. Вместе с тем в ней хорошо прослеживается и ирменский компонент (жемчужник, воротнички, ромбы, формы сосудов и др.). Интересная деталь — воротнички (элемент ирменской традиции) на шейках сузгунских сосудов иногда образованы желобчатой дорожкой (индикаторный сузгунский признак).

Элементы сузгунской орнаментации встречаются не только на керамике пятой группы, но и на кухонной (или бытовой) посуде. Во всяком случае, только сузгунским влиянием можно объяснить ряды ямок на тулове таких сосудов (рис. 1-12), елочные узоры, орнаментированные днища (рис. 1-6).

Часть сосудов, включенных в пятую группу и отличающихся от собственно розановского комплекса (группы 1—4) обработкой поверхности, цветом и другими внешними признаками, по-видимому, является в материалах поселения чужеродной. Она указывает на существование контактов между населением лесостепной и таежной зон Прииртышья. Однако основная масса посуды с сузгунскими чертами произведена на месте.

О взаимовлияниях и взаимопроникновениях разнокультурных традиций (и не только орнаментальных) свидетельствует большое количество посуды смешанного ирменско-сузгунского или сузгунско-ирменского облика в материалах не только Сибирской Саргатки I, но и Черноозерья VIII (рис. 6-1—3, 5—6), Розановского, Чудской Горы и других поселений.

Шестая группа керамики выделена в значительной мере условно. Она включает сосуды, в орнаментации которых использованы элементы, типичные для саргатской керамики начала железного века, например, вытянутые треугольники-фестоны с характерной штриховкой (рис. 2-1; 3-3) и каплевидными вдавлениями в углах и вершинах таких треугольников. Наряду с явными саргатскими параллелями, которых немного, обращает на себя внимание принципиальная близость некоторых типов ирменской (розановской) поселенческой (рис. 1-2, 7, 10; 2-6—7) и аналогичных групп саргатской керамики. Данный сюжет — о наличии преемственных связей между розановской керамикой и

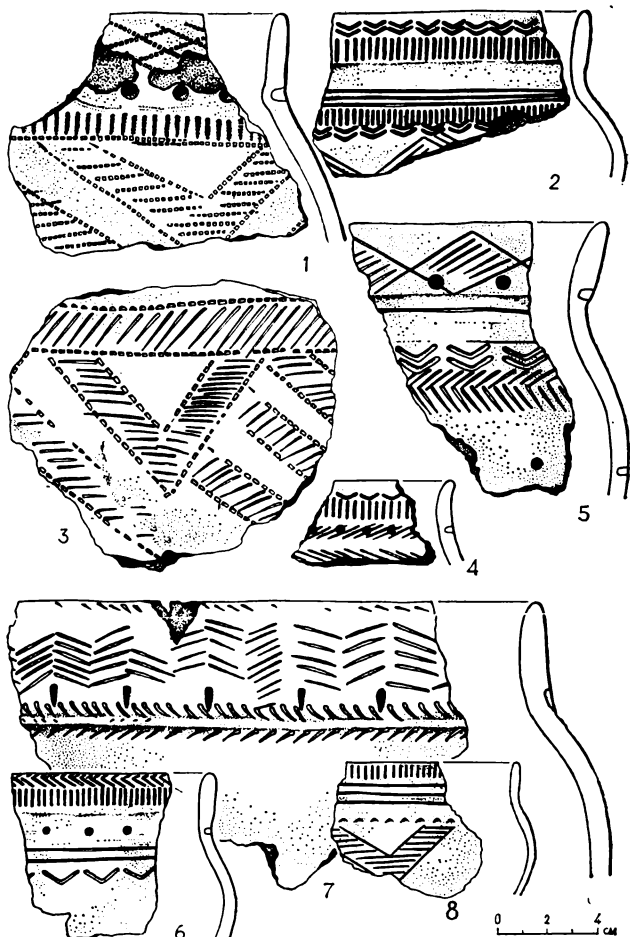

Рис. 6. Керамика эпохи поздней бронзы:
1—3, 5—7 — пос. Черноозерье VIII; 4, 8 — Сибирская Саргатка I

саргатской посудой раннего железного века, о существенности этих связей — чрезвычайно интересен, но он выходит за рамки нашей работы¹¹.

Завершая характеристику керамики эпохи поздней бронзы поселения Сибирская Саргатка I, подчеркнем, что посуда всех групп составляет единовременный комплекс. Об этом свидетельствуют совместное залегание керамики и взаимовстречаемость типичных сузгунских и ирменских черт на одних сосудах, в результате чего невозможно в ряде случаев определить их принадлежность. Одновременность керамики подразумевается для всего периода существования и функционирования исследованного жилища и, по-видимому, поселка в целом. Данное

замечание мы считаем уместным, так как продолжительность этого периода могла исчисляться десятилетиями¹².

Таким образом, материалы Сибирской Саргатки I и других розановских поселений Среднего Прииртышья достаточно убедительно демонстрируют процесс взаимодействия ирменского и сузгунского населения. Но это только один аспект проблемы. Сейчас уже можно утверждать, что на Иртыше ирменское (или в целом — карасукоидное) влияние наложилось не на андроновскую, а на андронovidную — сузгунскую или, вернее, раннесузгунскую основу. Под раннесузгунской основой мы понимаем культуру населения, оставившего поселения Инберень IV¹³ и Прорва¹⁴, а также могильник Черноозерье II. В керамике перечисленных памятников легко узнаются андроновские, федоровские элементы, но они выступают в переработанном виде (группы нарядной керамики Инберени IV и Прорвы). С другой стороны, такие черты, как сплошная и плотная орнаментация, ряды ямочных вдавлений на шейке и тулове сосудов, желобки в основании шейки, заполненные оттисками гребенчатого штампа или насечками, ленточные узоры, орнаментация дна, использование фигурного штампа (скобки), вызывают вполне определенные ассоциации с орнаментацией керамики таежной зоны. Заметим, что аналогичные комплексы известны на Ишиме (поселение Пахомовская Пристань I, ранние погребения Лихачевского могильника)¹⁵, на Тоболе им близки материалы поселения Ново-Шадрино VII¹⁶.

Все отмеченные памятники (и среди них могильник Черноозерье II) в территориальном и культурном отношении гораздо более близки известным сузгунским комплексам, нежели черкакульским, как считает Н. Л. Членова¹⁷. Решение вопроса о хронологическом соотношении Инберени IV, Прорвы, Пахомовской Приistani I с такими сузгунскими памятниками, как Сузгун II, Чудская Гора (ранний слой), является одной из ближайших задач. Здесь же заметим, что, называя их раннесузгунскими, мы имеем в виду их более ранний возраст по сравнению с сузгунскими материалами в составе среднеиртышских ирменских комплексов.

Таким образом, сложение розановского варианта ирменской культуры происходило на раннесузгунской основе, и на протяжении всего периода существования розановское население активно взаимодействовало с населением сузгунской культуры таежного Прииртышья.

Другим компонентом, участвовавшим в формировании среднеиртышского варианта ирменской культуры, явились носители карасукоидных культурных традиций. Употребляя термин «карасукоидный», мы исходим из признания определенной роли карасукской культуры в сложении ирменской культуры, но считаем, что на Иртыше карасукские влияния носили опосредованный характер. Прямое проникновение карасукских коллективов

в Среднее Прииртышье представляется маловероятным. По-видимому, распространение здесь некоторых элементов карасукской культуры следует связывать с влиянием, а позднее и продвижением групп населения, уже испытывавшего карасукское воздействие. Мы затрудняемся указать конкретный источник карасукоидного влияния, фиксируемого в Прииртышье. Пожалуй, наиболее предпочтительна в этом плане территория лесостепного Приобья, где ирменская культура (быстровского этапа) датируется А. В. Матвеевым с XII — XI вв. до н. э.¹⁸

Судя по имеющимся материалам, проникновение карасукских элементов происходило постепенно. Уже в раннесузгунских памятниках (Инберень IV, Черноозерье II) появляются отдельные бронзовые изделия, сопоставимые с карасукскими¹⁹. Более оживленное взаимодействие андронидных и карасукоидных традиций демонстрирует керамика поселения Прорва²⁰. Следующий этап карасукоидного воздействия связан, по-видимому, с влиянием уже сформировавшейся ирменской культуры Среднего Приобья. Результатом сложных процессов взаимодействия андронидных и карасукоидных культурных компонентов явилось сложение розановского варианта ирменской культуры. В керамике поселений Черноозерье VIII, Розановское, Сибирская Саргатка I, Омская стоянка и других нашли отражение многие характерные особенности раннесузгунской, сузгунской (одновременной ирменской культуре) и собственно ирменской орнаментальных традиций.

К аналогичному выводу — о значительном количестве сузгунских элементов на керамике розановского типа — пришла Н. Л. Членова²¹. Еще в середине 50-х гг. она высказала соображения о происхождении ирменской культуры в результате смешения продвинувшегося с севера лесного населения с андроновским и о влиянии на нее карасукской культуры²².

Мы не склонны преувеличивать роль карасукского компонента в среднеиртышской ирменской культуре, однако вынуждены признать, что он оказал заметное влияние на культуру населения не только в Среднем Прииртышье, но и на смежных территориях. Об активности среднеиртышского ирменского массива говорят многочисленные проявления ирменских керамических традиций в материалах Чудской Горы и Красноозерского поселения в таежном Прииртышье²³, Кучум-Горы на Ишиме²⁴ и находки типичной ирменской посуды в позднебронзовых комплексах Тюменского Протобоя (Ново-Шадрино II, IV — поздний комплекс, Пospelово I и др.)²⁵.

Необходимо сказать, что андроновский субстрат, лежащий в основе культур поздней бронзы лесостепной полосы Западной Сибири, во многом определил характер и направление связей между отдельными культурными образованиями. Он же объясняет типологическое сходство инвентаря ирменской и позднеандроновских культур Тоболо-Ишимского междуречья. По этой

причине ирменская керамика, особенно розановского типа, сопоставима с одновременной черкаскульской (межовской) Зауралья и даже Приуралья²⁶. О взаимном характере связей свидетельствует керамика бархатовского (Притоболье) и чупинского (Пришимье) типов в материалах поселений Черноозерья VIII, Сибирская Саргатка I и др.²⁷

Подведем итоги. Материалы Сибирской Саргатки I существенно дополнили базу источников среднеиртышской ирменской культуры. В совокупности с материалами Черноозерья VIII, Розановки, Большого Лога и других памятников конца бронзового века они приобретают важное значение в связи с разработкой периодизации ирменской культуры, вопросов ее происхождения и заключительных этапов, культурного окружения и другими.

Своеобразие розановского варианта ирменской культуры обусловлено тем, что на Иртыше карасукоидному воздействию подверглось не андроновское (федоровское), а в значительной степени андроновидное (раннесузгунское) население. На всем протяжении существования ирменская культура активно взаимодействовала с сузгунской таежного Прииртышья. Карасукоидный компонент в составе ирменской культуры никогда не был преобладающим и впоследствии сильно трансформировался, но его влияние оказалось весьма заметным.

Исходя из того, что проблема происхождения андроновидной сузгунской культуры во многом остается неисследованной, следует обратить пристальное внимание на возможность ее формирования в предтаежной зоне Тоболо-Иртышского междуречья, где комплексы раннесузгунского типа хронологически располагаются между андроновскими (федоровского типа) и позднебронзовыми бархатовского или ирменского типов.

Одной из первоочередных задач является выявление линий преемственности между ирменской и саргатской культурами. В последние годы в Барабе и лесостепном Прииртышье как будто удалось проследить хронологическую связь этих культур²⁸. На наш взгляд, эта связь была и генетической.

¹ См.: Генинг В. Ф., Гусенцова Т. М., Кондратьев О. М. и др. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970. С. 38, 39; Стефанов В. И. Поселения эпохи поздней бронзы в Среднем Прииртышье // Из истории Сибири. Томск, 1974. Вып. 15. С. 23—26.

² См.: Генинг В. Ф., Зданович Г. Б. Отчет о раскопках Розановского городища на р. Иртыш. Свердловск, 1965 // АКА УрГУ. Ф. 2. Д. 37; Стефанов В. И. Отчет о раскопках пос. Дуванское V в Тюменском районе Тюменской области и Розановского городища в Горьковском районе Омской области. Свердловск, 1977 // АКА УрГУ. Ф. 2. Д. 255. Л. 19—35; Корочкова О. Н., Стефанов В. И., Стефанова Н. К. Работы в Среднем Прииртышье // АО — 1977. М., 1978. С. 240—241.

³ См.: Генинг В. Ф., Гусенцова Т. М., Кондратьев О. М. и др. Периодизация поселений... С. 36—44.

⁴ См.: Там же. С. 39—40.

⁵ См.: *Членова Н. Л.* Связи культур Западной Сибири с культурами Приуралья и Среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и в начале железного века // Проблемы западно-сибирской археологии: Эпоха железа. Новосибирск, 1981. С. 23—26; *Косарев М. Ф.* Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981. С. 170; *Молодин В. И.* Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985. С. 139.

⁶ См.: *Матвеев А. В.* Ирменские поселения лесостепного Приобья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1985; *Молодин В. И.* Бараба в эпоху бронзы. С. 117—143; *Матвеев А. В.* Некоторые итоги и проблемы изучения ирменской культуры // СА. 1986. № 2.

⁷ См.: *Членова Н. Л.* Связи культур...

⁸ См.: *Стефанов В. И.* Отчет о раскопках... С. 30, 32; *Корякова Л. Н.* Поселения саргатской культуры // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1984. С. 69, 73.

⁹ См.: *Стефанова Н. К.* Отчет об археологических исследованиях, проведенных летом 1984 г. в Омской и Тюменской обл. Свердловск, 1984 // АКА УрГУ. Ф. 2. Д. 400. Л. 3—20; *Стефанова Н. К.* Отчет о раскопках поселения Сиб. Саргатка I в Саргатском районе Омской области. Свердловск, 1985 // АКА УрГУ. Ф. 2. Д. 418.

¹⁰ См.: *Зданович Г. Б.* Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской области // ВАУ. Свердловск, 1973. С. 33, 35. Рис. 4; *Бухонина Т. А.* Могильный комплекс эпохи бронзы Куропаткино II на Чаглинке // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984. С. 54—55.

¹¹ На наш взгляд, В. А. Могильников в одной из последних работ допустил неточность, отнеся часть керамики поселения Битые Горки (баночной или горшковидной формы, орнаментированной ямками, жемчужинами, полулунными вдавлениями, горизонтальными каннелюрами, узорами из рядов вертикальных или слегка наклонных вдавлений крупного зубчатого штампа) к переходному времени от бронзового века к железнному (VII—VI вв. до н. э.). См.: *Могильников В. А.* К характеристике культуры лесостепного Прииртышья в VII—VI вв. до н. э. // КСИА. 1985. № 184. С. 6. Рис. 2-6—7. Характеризуемая им керамика (Омский краеведческий музей, шифр 1920) в действительности относится к раннему бронзовому веку или периоду проникновения в Прииртышье андроновцев.

¹² См.: *Матвеев А. В.* Ирменские поселения лесостепного Приобья. С. 11; *Матвеев А. В., Сидоров Е. А.* Ирменские поселения Новосибирского Приобья // Западная Сибирь в древности и средневековье. Тюмень, 1985. С. 43.

¹³ См.: *Корякова Л. Н., Стефанов В. И.* Городище Инберень IV на Иртыше // СА. 1981. № 2. С. 182—187.

¹⁴ См.: *Евдокимов В. В., Стефанов В. И.* Поселение Прорва // Археология Прииртышья. Томск, 1980. С. 41—51.

¹⁵ См.: *Генинг В. Ф., Зданович С. Я.* Отчет о раскопках Лихачевского могильника. Свердловск, 1964 // АКА УрГУ. Ф. 2. Д. 47. Л. 26, 27.

¹⁶ Раскопки УАЭ 1983 г., коллекция хранится в кабинете археологии УрГУ, шифр 2797.

¹⁷ См.: *Членова Н. Л.* Связи культур... С. 35.

¹⁸ См.: *Матвеев А. В.* Ирменские поселения лесостепного Приобья. С. 16.

¹⁹ См.: *Корякова Л. Н., Стефанов В. И.* Городище Инберень IV на Иртыше. С. 185; *Членова Н. Л.* Связи культур... С. 35.

²⁰ См.: *Евдокимов В. В., Стефанов В. И.* Поселение Прорва. С. 48—50.

²¹ См.: *Членова Н. Л.* Связи культур... С. 27.

²² См.: *Членова Н. Л.* О культурах эпохи бронзы лесостепной зоны Западной Сибири // СА. 1955. № 23. С. 47 и след.

²³ См.: *Косарев М. Ф.* Бронзовый век Западной Сибири. С. 168; *Матющенко В. И., Чиндина Л. А.* Рецензия на работу М. Ф. Косарева «Древние культуры Томско-Нарымского Приобья» // СА. 1976. № 2. С. 273.

²⁴ См.: *Голдина Р. Д.* Городище Кучум-Гора // ВАУ. 1969. Вып. 8. С. 151. Табл. 75-2, 7.

²⁵ См.: Стефанов В. И., Корочкова О. Н. Поселения заключительного этапа бронзового века на р. Тобол // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1984. С. 81. Рис. 1-7. С. 86.

²⁶ См.: Членова Н. Л. Связи культур... С. 23—35.

²⁷ См.: Стефанов В. И., Корочкова О. Н. Поселения заключительного этапа... С. 82—83.

²⁸ См.: Полосьмак Н. В. К вопросу о нижней дате саргатской культуры // Проблемы археологии и этнографии Сибири. Иркутск, 1982. С. 107—108; Молодин В. И., Колонцов С. В. Туруновка-4 — памятник переходного от бронзы к железу времени // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1984. С. 69—86; Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. С. 179—186; Труфанов А. Я. К происхождению саргатской культуры // Тез. докл. регион. археол. конф. студентов Сибири и Дальнего Востока. Кемерово, 1985. С. 42—43.

В. А. БОРЗУНОВ, Н. Н. НОВИЧЕНКОВ
Уральский университет

Ранние укрепленные поселения финно-угров Урала

В конце каменного — начале бронзового века в обществах земледельцев-скотоводов Старого и Нового Света периода позднеродовой общины возникает новый тип поселений — *укрепленных*, с новым элементом — оборонительными сооружениями. В начале железного века, в эпоху разложения первобытнообщинного строя редкие укрепления эпохи бронзы сменяются густой сетью простейших фортификаций — прообразов оборонительных систем классовых обществ. Появление их — закономерный этап в развитии общества, следствие получения *устойчивого* избыточного (прибавочного) продукта, при благоприятных условиях превращавшегося в богатства, а также необходимости его защиты наряду с общинной и племенной территорией. С этого времени укрепленные поселения, количественно уступающие селищам, качественно, в плане социально-экономического значения, становятся ведущим типом поселений. Их остатки — *городища* — являются одним из основных видов археологических памятников.

В своем развитии укрепленные поселения проходят два взаимосвязанных, но качественно различных этапа: простейших укреплений доклассовых обществ и развитых классовых.

Исследованию последних посвящены многие обобщающие работы. В отличие от них ранние укрепленные поселения доклассовых обществ как явление изучены недостаточно. Анализ их пока ведется в системе отдельных и конкретных археологических культур, общностей либо регионов. При этом наименее исследованным остается север Евразии, включая Урал.

Предлагаемая статья посвящена характеристике и анализу ранних финно-угорских укрепленных поселений Урала: ананьинских, гляденовских (включая осинские), пьяноборских (че-